

УРИНА ЛЕМ

ТАК МАЛО НАДО ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Ирина Лем

Так мало надо для счастья

«Автор»

2026

Лем И.

Так мало надо для счастья / И. Лем — «Автор», 2026

Четвертый рассказ про Веронику. Спасаясь от российского кризиса 90-х годов, она уехала за границу. Удалось ли ей найти счастье на чужбине? И много ли ей надо...

© Лем И., 2026

© Автор, 2026

Ирина Лем

Так мало надо для счастья

В левом боку, прямо под ребрами дернуло и тупо заныло, будто какой-то орган завел жалобу - не голосом, а болью. Это нытье Вероника ощущала уже... лет пять. Раньше оно возникало редко, накоротко и не вызывало беспокойства – когда тебе за пятьдесят привыкаешь к таким вещам: там дернет, тут потянет, а то и спину прострельнет. Не бегать же каждый раз к доктору.

В последнее время боль в боку появлялась регулярно, становилась ощутимее и продолжительнее. Игнорировать глупо. Вероника нехотя оторвалась от игрушки на ай-пэде. Она обо-жала игры жанра «кэшуэл, поиск предметов» - красочно оформленные, заставляющие работать мозги и порой просвещающие. Есть прямо-таки шедевры, где все элементы на высшем уровне: сюжет, картинка, герои, головоломки и, что немаловажно, легкое управление действиями. На таких игрушках Вероника зависала надолго, иногда забывая про вечерний фильм. Сейчас она находилась в середине повествования о злоключениях вампира – симпатичного молодого блондина, который отправился на поиски негодяя, укравшего у него невесту. Чтобы пройти в ворота замка, следовало расплести паутину - любимая головоломка Вероники. Время задания тикало. Не закончив расплестать, она поставила ай-пэд на паузу и подняла глаза к потолку.

Прислушалась ко внутренностям. Прикинула в уме, что за орган ее побеспокоил. Пред-ставила примерно их анатомическое расположение – с левой стороны живота, ближе к центру. Точно - не желудок, с ним она проблем не имела и не предполагала иметь: питалась здорово, жевала тщательно, алкоголем и перееданием не увлекалась.

Так. Что еще мы имеем слева? Печень. Нет, она, вроде, большей частью в правом боку находится. Селезенка – знак вопроса, Вероника не сказала бы с определенностью, где она лежит, и вообще для чего предназначена. Точно не почки - они сзади, внизу спины, с двух сторон от позвоночника. Вероятнее всего поджелудочная железа.

Да, она от желудка влево идет.

Вспомнилось нехоту: от рака поджелудочной скончалась сестра отца, тетя Маня. Давно, лет тридцать назад. О ее смерти Вероника узнала из домашнего письма. Она тогда жила в Польше, работала в паспортном отделе штаба советских войск, который располагался сначала в Легнице, потом в Свиднице, по-польски произносится «Щвидница».

Мысли поплыли по волнам памяти.

Тетя Маня жила в Москве, куда приехала в пятидесятых годах из глухой калужской деревни Фетисово сразу после школы – работать. Таких приезжих молодых работяг москвичи презрительно называли лимитчиками и старались с ними не общаться. Может, потому она и не устроила личную жизнь. Только трудовую: поступила на Шарикоподшипниковский завод, название это Вероника долго тренировалась правильно выговаривать, и получила комнату-норку в шумном, подземном общежитии.

Когда вышла на пенсию, в награду за безупречный труд получила комнату побольше и повыше - в коммуналке на шестом этаже массивного, довоенной постройки дома неподалеку от метро «Автозаводская».

Вероника запомнила оба жилища, частенько там бывала: лет с семи мать брала ее в «продуктовые» поездки в столицу, сначала для компании, потом как помощницу – таскать сумки.

Тогда до нее не доходила абсурдность экономического устройства: продукты, производимые в области, везли в Москву, потом приезжали жители той области и увозили продукты обратно. Чтобы их увезти, требовалось олимпийское здоровье и железная выдержка: проехать на электричке без туалета три с половиной часа, потом целый день бегать по магазинам, потом с

сумками опять на электричку, последнюю. Со станции идти километр – в другой конец поселка Иваньково. Выдерживали лишь чемпионы гонки за колбасой.

Мать к ним не относилась.

И не есть бы Вероникиной семье из четырех человек нежной на вкус, розовой на цвет, докторской колбаски, если бы не родственница в столице, у которой можно переночевать. Фантастическая удача, которой не многие иваньковцы могли похвастаться. Мать с Вероникой отправлялись в пятницу днем, чтобы спокойно добраться до тети Мани, а в субботу с ранья закупиться, пока другие провинциалы не явились, и вовремя вернуться домой.

В воскресенье магазины не работали, и суббота превращалась в сумасшедший день. Население города увеличивалось в полтора раза, именно за счет приезжих, с голодными глазами рыскавших по магазинам. Вероника научилась их отличать: они покупали колбасу не граммами, а палками. Будучи маленькой, она не была совсем бесполезной – мать ставила ее в очередь к прилавку, а сама занимала очередь к кассе, эта хитрость экономила кучу времени и вызывала недовольство москвичей. Они шипели, и Вероника ощущала собственную неполноценность как гость, который явился на праздник, а оказалось – его не ждали и не приглашали. И желали поскорее выпереть. Но разве ее вина? В других условиях она бы тоже с удовольствием и достоинством сказала бы продавщице: двести грамм докторской и порежьте, пожалуйста. Но ехать двести километров, чтобы купить двести грамм – вы в своем уме?

Несмотря на гонку, нервотрепку и усталость, ездить в Москву Вероника любила. Это была возможность вырваться из унылого поселковского болота, в котором не происходило ничего – ни плохого, ни хорошего. Годы проходили незаметно, от них не осталось воспоминаний.

В столицу страны она приехала раньше, чем в столицу области. Хорошо, что была еще в том возрасте, когда принимают увиденное как данность и не задумываются – от чего и почему. Иначе получила бы шок, настолько велика была разница между Иваньково и Москвой.

Там она многое увидела впервые. Широкие, заполненные транспортом и людьми проспекты, шумные, многоголосые, в отличие от иваньковской единственной улицы, которая днем вымирала, потому что взрослые были на работе, дети в школе. Дома – не одноцветные, однотипные коробки, а высокие, не похожие друг на друга, и почти все – памятники архитектуры. Витрины во всю стену с нарядно одетыми манекенами, и опять парадокс: одежда, которую они демонстрировали, не продавалась в магазине. Парки посреди города с чистыми скамейками, там сидели степенные люди, которым не надо покупать палками колбасу.

В общественном транспорте полнейший коммунизм: вместо кондуктора аппарат с прозрачной крышкой, рассчитанный на честных пассажиров: бросаешь в отверстие деньги, сам отматываешь билет. Цены Вероника запомнила: автобус пять копеек, троллейбус четыре, трамвай три.

За колбасой и другими деликатесами не всегда ездили своим ходом, иногда в школе, где Вероника училась, а мать работала, организовывали культурные экскурсии в Москву. Так она впервые посетила настоящий зоопарк и покаталась на тележке, которую шустро тянула лошадка-пони. От ВДНХ осталось впечатление чего-то грандиозного: фонтаны с огромными золотыми статуями, павильоны с высоченными крышами-куполами, тротуары широкие, как шоссе. И одни рекорды кругом – самая дойная корова, самый урожайный сорт, самая лучшая ракета. Вероника слушала, смотрела и гордилась родной страной.

Как-то, из любопытства, посетила столичную парикмахерскую – ее подстригли как артистку.

Один раз ходила с отцом в кинотеатр «Зарядье». В Голубом зале смотрели музыкальную сказку «Король-олень». Зал был одет в голубой бархат – кресла, занавеси, стены. В потолке сияли встроенные лампы-звезды. Кресла мягкие и теплые, расположены широким полукругом и пронумерованы. Ряды плавно приподняты так, что впередисидящие не мешают сзади-

сидящим. Экран широкоформатный – по последнему слову техники. Это вам не заляпанный полотняный квадрат на облезлой, деревянной сцене иваньковского клуба, где скрипучий пол и твердые стулья, пахнущие плесенью. Они без номеров. Чтобы занять хорошее место, лучше прибыть за полчаса и надеяться, что впереди не сядет высокий человек – иначе его плечи и голова загородят половину экрана.

Красивый кинотеатр «Зарядье». Красивый Голубой зал. И фильм был красивый – актеры, пейзажи, костюмы. Добрая, светлая сказка...

Да, Москва – город-сказка.

Поселиться здесь – мечта каждого провинциала.

Мечта, которая не возникала у Вероники. Она в те времена не мечтала о чем-то грандиозном. Была счастлива, что иногда удавалось совершить путешествие длинной в полдня – на электричке, на метро, на троллейбусе и на лифте до тетиной коммуналки. Слова этого она, кстати, раньше не слышала и не знала, что оно обозначает. Много позже увидела коммуналку в фильме «Гадюка» по повести Алексая Толстого. Но тот склочный, захламленный, враждебный к собственным обитателям гадюшник ничем не напоминал жилище тети Мани.

Это была огромная квартира с тремя отдельными комнатами и пятиметровыми потолками. Она совершенно не походила на приплюснутую малометражку, в которой проживала Вероника и другие граждане Иванькова, а также всей Калужской области.

Здесь на квадратных метрах не экономили. Входишь – широкий коридор, по-московски «прихожая», в ней тихо, темно и аккуратно, от того неуютно. Направо кухня, такая просторная, что можно танцевать. Мусоропровод – опять же вещь, не знакомая провинциалам. Ослепительно чистая плита. Три стола на почтительном расстоянии друг от друга. Стульев нет, на кухне никто не ест.

В прихожей первая дверь налево – соседей. Вторая – тети Мани. Прямо – других соседей. Отдельно туалет и ванная комната. Над ванной белая колонка, из нее торчат две, управляющие газом, палочки с черными набалдашниками. Юная Вероника не умела ими пользоваться и однажды, когда сидела в ванне, а вода продолжала течь, чуть не сварилась заживо.

В самый первый ее приезд тетя провела инструктаж. В прихожую без нужды не выходить, громко не разговаривать. В туалете не забывать выключать свет. Дверцу лифта не открывать прежде, чем кабина установится на этаже.

И еще. Телефоном не пользоваться, его установили соседи, Маня за него не платит.

Последнее правило Вероника иногда нарушала втихую от родственницы и без финансовых последствий для нее. Не могла удержаться от соблазна: телефона она раньше не видела, не говоря о том, чтобы звонить. Выскальзывала в коридор, прислушивалась – не идет ли кто. Поднимала трубку, набирала цифру сто – бесплатный столичный сервис. Механический женский голос торжественно произносил: московское время столько-то часов столько-то минут. Вероника каждый раз удивлялась: откуда женщина в любой момент знает – сколько сейчас времени? Осторожно, чтобы не звякнуть, клала трубку на место и спешила спрятаться в комнату тети, чтобы не застучали на месте преступления.

Мебель у нее самая простая. Прямоугольная тахта служила днем диваном, ночью постелью. Кровать с низкими спинками, выпуклой серединой и двумя поставленными друг на друга подушками предназначалась для редких гостей, тетя на ней не спала. На стене неперенный ковер. В те времена не машина, а именно ковер служил статус-предметом. Он имелся в каждой квартире: или настоящий – плотный, с орнаментом по краю и причудливым рисунком в центре, или кич – тонкий, плюшевый, с белыми лебедями на голубом пруду.

Телевизор «Рекорд» на тумбочке – деревянный куб с экраном, прикрытым кружевным уголком. На телевизоре и тумбочке пластмассовые фигурки, нелепые – слоны, клоун, негр-тенок с кучерявой головой. И две качественные, фарфоровые, сюжетные, которые Вероника любила рассматривать в деталях. Одна – балерина с красиво уложенными, блондинистыми

волосами, в голубой пачке, наклонилась завязать ленту на пуанте. Другая - молодая пара, танцующая лезгинку: он кавказский парень в папахе, одна рука согнута перед грудью, другая вытянута сзади девушки, которая одета в целомудренно-длинное, перламутровое платье.

Днем делать было нечего, в телевизоре один канал, который начинал программы в шесть вечера. Вероника листала журнал «Работница», начиная с последней страницы, где кроссворды и анекдоты.

Вечером она подходила к окну, такому высокому, что если бы встала на подоконник, не достала бы до верхней рамы. Глядела вниз, на город, сверкавший рекламными огнями и шумевший трамвайными перезвонами. Вдыхала терпкий запах темно-бордовых, блестящих, будто отполированных яблок, которые лежали на стеклянном блюде. Они сладкие и мягко кусаются, она раньше не знала, что такие существуют - кроме твердой и сводящей скулы от кислоты антоновки других не ела.

И так во всем. Столица и глухомань. Одни контрасты.

Москва – это отдельный мир, другая Россия.

Заполучить жилье здесь в те времена означало удачу всей жизни. Мать решила привлечь ее на сторону Вероники, прописать ее к тете – та была одинока и в годах. Не получилось. Москва чужаков не принимала. Пришлось придумывать конструкцию. А пока, понимая, что в поселке дочь ожидает одинокая судьба, мать через знакомую в военкомате отправила ее в Польшу.

Когда Маня заболела, родители Вероники взяли ее к себе, а комнату, чтобы не пропадала, мать задумала поменять на однокомнатную квартиру в Калуге. Обмен едва не сорвался: когда пришло время подписывать бумаги, тетя два дня как умерла. Но все обошлось. В той однокомнатной Веронике пожить не удалось, она досталась брату, но это уже другая история...

Тетя умерла от рака поджелудочной. Рак передается по наследству. По косвенной линии тоже? Вероника задумалась. Если не изводишь себя вредными привычками, все равно получишь болезнь - наследственным путем. Несправедливо. А если не наследственным, то что за причина могла быть именно у нее?

Вроде, знала она эту причину.

Однажды, пятнадцать лет назад, проживала Вероника в Минске. Приехала туда к мужу-офицеру, с которым была в разводе, потом, вроде, договорились еще раз попробовать. Это были тяжкие годы, в точности по выражению: не приведи Господь жить во времена революций и других массовых потрясений. Случилось потрясение, разрушительной силой сравнимое с революцией – распался Союз. Рухнула экономика, с ней привычная стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

На фоне всеобщего неблагополучия напали на Веронику личные несчастья, скопом, как стая волков на жертву: мать умерла, муж все-таки ушел, десятилетний сын перестал расти, свое здоровье пошатнулось. Работу не нашла, еле сводила концы с концами.

Одолели нищета и отсутствие перспективы. Еще одиночество, женское и человеческое. В Минске у нее ни друзей, ни знакомых, не с кем даже словом перекинуться, не говоря - трудности разделить. И помощи ждать неоткуда.

Несчастья спрессовались в стопудовую гирю, повисли на шее и потянули ко дну. Вероника еще бултыхалась в бурном житейском море, но силы заканчивались. Близился предел. Настоящее не устраивало совершенно, будущее пугало. Ночью беспокоилась и не могла заснуть, утром не хотела просыпаться.

Выходила из дома только по нужде: сына в школу проводить и встретить – дорога через лес шла, да в магазин за самым необходимым.

Положительных впечатлений ноль, настроение на уровне депрессии. Состояние хронической подавленности.

В таком состоянии пошла как-то в магазин. По пути глядела в витрины – отстранено, как глядят на глянцевые картинки в журнале: красиво, но недоступно. Взгляд задержался на витрине кафе, где стояли аппетитно раскрашенные кремом пирожные. Слишком аппетитно. Остановилась. Сладости Вероника любила, но умела себя сдерживать. Во-первых – чтобы не расплыться и сохранить «товарный» вид, она еще надеялась выйти замуж. Во-вторых, из-за напряженки с финансами. Выпечка – дорогое удовольствие. Она жила на алименты и распределяла по уму каждый «зайчик» - так назывались белорусские бумажные деньги, потому что на них нарисованы не выдающиеся белорусы, а представители местного животного мира.

Который день стояла жара. Аппетита на пирожные Вероника не испытывала и собралась уже продолжить путь. Тут заметила одно, которое обожала со школьных времен - «картошка». Оно точно так и выглядело – коричневый овал с белыми кремовыми точками, которые изобразили проклюнувшиеся корешки. Она не ела его лет эдак двадцать. После школы покупала пару раз в городском кафетерии, потом судьба бросала ее в места, где «картошку» не делали.

Вот так работает память: как знакомые запахи, так и знакомые картинки пробуждают воспоминания. Нежданно-негаданно вернулась Вероника в ушедшее навсегда, беспроблемное время жизни. Ну, относительно беспроблемное. Трудностей в советской действительности тоже хватало, но по сравнению с тем, что свалилось после...

Теперь они казались мелочами, о которых смешно и говорить. С теми трудностями народ легко справлялся. Мяса в магазине нет, съездим на базар. Колбасы нет, съездим в Москву. Стирального порошка нет, обойдемся хозяйственным мылом. Ерунда, потерпим, лишь бы не было войны.

Очарованным взглядом обводила Вероника кондитерскую «картошку». Из чего ее делали, она не знала, да было неважно. Вкуса не помнила, но помнила, что любила ее больше тех сухих, крошащихся коржиков, которые продавала школьная буфетчица тетя Катя.

Все, что связано с детством, свято. Глаза Вероники подернулись ностальгической поволокой. Который год жила она безрадостно и тупо. Отказывала себе в маленьких удовольствиях, а жизнь отказывала ей в больших. Но от постоянных отказов мозг устает. Сдают нервы. Надо иногда отпускать напряжение, радовать себя чем-нибудь, чтобы отвлечься, забыться. Ненадолго, на пять минут. Всплыть на поверхность, хватануть свежего воздуха, а потом – опять...

Но это потом.

А сейчас – вот она, любимая «картошка».

Соблазн слишком велик. Вероника имела строго ограниченную сумму потратить, но при виде старого лакомства самоконтроль дрогнул и ослаб. До такой степени, что купила сразу две «картошки» - роскошь, которую следовало бы списать не на голодный желудок, а на «голодные» глаза.

Она едва дотерпела до дома, съела одну, вторую положила в холодильник. Вкус немного отличался от того, в детстве, но в-общем был похож – не пожалела, что потратилась. Изменения во вкусе Вероника отнесла на объективные причины: другие времена, другое место приготовления, другие кондитеры.

Ночью живот разворотило болями, похожими на те, которые испытывала, когда рожала. Особенно резало в левом подреберье. Едва добежала до туалета - содержимое желудка и кишечника изверглось фонтанами, одновременно. Извержения продолжались всю ночь. В перерывах между приступами Вероника не имела сил даже сидеть, лежала с бессмысленной головой и взглядом, устремленным внутрь себя. Выискивала там причину ожесточенного неприятия организмом поступившей пищи.

Причина нашлась довольно быстро. В тот день в меню, не отличавшемся разнообразием, стояли два вида картошки – пирожное и пюре. От пюре отравления случиться не могло: его Вероника употребляла свежим и регулярно, тем более что белорусский картофель славился качеством и по цене подходил ее нищенскому бюджету. Оставалось грешить на выпечку. Обос-

нованно. Пирожное стоило недешево, вероятно – лежало на витрине давно, испортилось на жаре без внешних и вкусовых изменений.

Вычислив виновника недуга, Вероника второе пирожное выбросила и с речью осознала – больше она любимую «картошку» в жизни в рот не возьмет.

А приступы продолжались. Теперь извергалась не полупереваренная пища, а одна желчь. Желудок тужился и клокотал от напряжения. Кишечник с ненавистью выдавливал последние капли.

Порадовала себя, называется.

Сходить бы в больницу... Нет, до больницы она не дойдет. Следовало бы вызвать скорую, но Вероника боялась: заберут на промывание желудка и другие процедуры, еще оставят в стационаре на несколько дней. Вариант неподходящий. Она в тот момент находилась в процессе развода с мужем, контакт с ним не поддерживала, родни или друзей в Минске не имела, зато имела сына. Если ее положат в больницу, с кем он останется?

Другого выхода нет, как лечиться самой. И обязательно выздороветь. Ради сына. Если с ней что случится, именно его жизнь, едва начавшаяся, будет перечеркнута и пойдет наперекосяк. Лишиться матери – большего несчастья для ребенка не придумать.

Веронике верилось, что справится. С недомоганиями в собственном организме, вроде гриппа или пищевого отравления, боролась подручными средствами и всегда побеждала. Против гриппа – парацетамол и горячий чай с медом. Против отравления – укрепляющее средство «мезим форте» и мягкая еда.

Вера, конечно, хорошо, но в случае с испорченной «картошкой» методы самолечения применить не получилось. Организм категорически отказывался принимать что-либо внутрь, даже воду. Все проглоченное тут же с рычанием вырывалось наружу.

Про укрепляющие желудок таблетки не стоило и думать. Про еду тем более. За сутки она похудела до анорексичного состояния и походила на обессиленного зомби со впавшими, бескровными щеками и неуверенной походкой на дрожащих ногах.

Если организм отвергает помощь, значит должен восстановиться сам. Вероника лежала пластом и ждала улучшений.

Через два дня улучшения не наступили. Такого с ней еще не случалось. Когда лежишь и не двигаешься, время тянется лениво, и закрадываются фатальные мысли. Так недолго и скончаться. От истощения и обезвоживания.

Пора действовать. Постановила для себя: если на третий день не почувствует облегчения, все-таки обратится ко врачу.

Как ни странно, душевное состояние Вероники в тот момент не усугубилось, наверное потому, что и так находилось на отметке «хуже некуда». Она не плакала, не жаловалась на судьбу. Наоборот, воспряла духом для борьбы за себя. И за сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.